

РОССИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ДИАЛОГА РОССИЯ — США

В.И. Мизин

Институт международных исследований МГИМО (У)
пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

В статье рассматриваются узловые моменты российско-американских отношений после прихода администрации Б. Обамы и начала политики «перезагрузки». Анализируются возможности продолжения и двустороннего процесса ограничения вооружений и уменьшения военной опасности. Автором также намечены перспективные направления разностороннего сотрудничества двух стран.

Ключевые слова: внешняя политика, международная безопасность, Д. Медведев, Б. Обама, СНВ, стратегический диалог, стратегическая стабильность, США, ядерное разоружение.

Приход к власти в США президента Барака Обамы — лидера нового поколения, символизирующего настрой американского общественного сознания на перемены в политике и социально-экономической сфере, неслучайно вызвал повышенные ожидания во всем мире. Международное сообщество охватила широко разрекламированная «обомомания», кто-то даже заговорил об «историческом прорыве». Американский президент как бы «авансом» получил Нобелевскую премию мира — словно стимул и призыв мирового сообщества к будущим дипломатическим победам.

Слишком много ошибок, если не сказать жестче, было совершено предыдущей американской администрацией. Вспомнить хотя бы навязанную «неоконсерваторами» стратегию насильственной «демократизации» в глобальном масштабе, провозглашение «крестового похода» против пресловутой бушевской «оси зла», оглушительное фиаско операций в Ираке и Афганистане, захлебнувшуюся войну с неуловимой «Аль-Кайдой», торпедирование международных режимов контроля над вооружениями. Все эти провалы не только пошатнули международный авторитет США (хотя эта страна все еще остается практически по всем показателям ведущей державой в мире), но и серьезно осложнили ситуацию во многих регионах и в глобальном масштабе.

Пострадали и российско-американские отношения. Несмотря на неплохие в принципе контакты между тогдашними лидерами двух стран, наши взаимоот-

ношения дошли в последние годы до опасной черты, в особенности после срыва грузинской агрессии против Южной Осетии, скатились, по словам Президента Д.А. Медведева, едва ли не на уровень «холодной войны» (1). США и Россия по-прежнему рассматривают друг друга как серьезнейших конкурентов на мировой арене, особенно на постсоветском пространстве, а ядерные арсеналы друг друга являются взаимным оправданием их стратегии ядерного «сдерживания—устрашения».

В этой ситуации нам с Западом требовался прорыв к новому качеству отношений, попыткой добиться которого, в частности, явилась, на наш взгляд, инициатива президента Д. Медведева о построении новой архитектуры евроатлантической безопасности и заключения юридически обязательного договора по данному вопросу. Стало ясно, что нам и странам Запада пора прекратить говорить, как бы заведомо не слыша друг друга.

Определенный осторожный оптимизм в этой связи связывался в российском экспертном и политическом сообществе с приходом к власти нового президента США демократа Барака Обамы. Этого обаятельного и красноречивого, по-своему «гламурного» темнокожего политика демократические стратеги, вероятно, долго искали. И выбор оказался вроде бы удачным — он соответствовал всем стандартам политкорректности и «избираемости». Молодой сенатор с манерами «а ля Кеннеди», резко контрастировавший с косноязычным и интеллектуально неповоротливым Дж. Бушем-мл., должен был как бы символизировать долгожданные перемены, не оставляя архаичным, консервативным по своей природе республиканцам никаких шансов на успех на выборах. Вокруг Обамы сплотился весь цвет Демократической партии США, вся мобилизуемая ею интеллектуальная элита Америки.

Между тем обамовская команда весьма неоднородна по своему составу, раздираема зачастую противоречивыми коалиционными интересами и представляет собой как бы известную схему «лебедь, рак и щука». Сплочена она только в одном — стремлении закрепиться у власти и переломить негативное отношение к США в мире, обеспечив глобальное американское лидерство.

С точки зрения внешнеполитических приоритетов главных «игроков» нынешней американской администрации условно можно разделить на три основных группы. К первой из них относятся «тяжеловесы» демократического истеблишмента вроде бывшего госсекретаря М. Олбрайт и ее заместителя Р. Холбрука, назначенного Обамой специальным посланником президента США в Афганистане и Пакистане, или «гуру» политологии Збигнев Бжезинский (которого многие у нас считают главным русофобом и идейным вдохновителем современной «Рах Америка»). Все они составляют довольно влиятельное консервативное, «ястребиное» крыло. Как правило, эти люди полагают, что российская политическая элита «неадекватна», а Россия будет «потеряна», если не вернется на путь подлинного демократического развития и уважения основных прав и свобод.

Вторая группа — это окружение семейства Клинтонов или деятели из бывшей клинтоновской администрации, причем, как правило, второго или третьего эшелонов (что уже заставило окрестить обамовскую команду как администрацию «Клинтон-лайт»). Естественно, сюда входит и сама государственная секретарь США Х. Клинтон, — бывший конкурент Обамы на выборах, как считают многие эксперты, намеренная решительно реализовывать собственное видение внешней политики при неопытном «дофине», многие ее ключевые сотрудники вроде ее заместителей Э. Таушер, Р. Готтемёллер, а также, например, директор ЦРУ Л. Панетта.

К этой группировке идейно и кастово примыкает и занимающий особое место в команде ветеран Сената, вице-президент и также бывший конкурент Обамы в демократических «праймериз» Дж. Байден. У нас принято занижать роль американских вице-президентов. Между тем этот человек поставлен как бы «смотрящим» от демократического истеблишмента за неопытом Обамой (который в последние месяцы совершает все больше промахов во внешней и внутренней политике). Примером того, что именно Байден выражает уравнивающую показатель идеализм Обамы линию близкого демократам истеблишмента, в особенности корректируя политику США на постсоветском пространстве, являются его высказывания в ходе прошлогодних визитов в Грузию и на Украину. Особенно российскую элиту покорило его заявление в отношении России в интервью газете «Уолл-стрит джорнэл», где вице-президент США заявил, что «увядание» российской экономики, упадок банковского сектора, а также сокращение численности населения в стране приведут к уступкам России странам Запада. Таким образом, Москва будет-де вынуждена пересмотреть сферы своих международных интересов (2). Все это прозвучало явно не в русле перецитированной пресловутой «перезагрузки» двусторонних отношений, скорее, как высказывание кого-то из деятелей правого крыла предыдущей администрации. Неслучайно официальный представитель Белого дома, а затем и госсекретарь США Х. Клинтон поспешили откеститься от этой тирады, заверяя, что США заинтересованы в сильной России, которую они считают «великой державой». Так что остается гадать, приоткрыл ли Байден тщательно скрываемую истинную линию администрации или просто позволил себе ремарку личного характера.

В целом же идеологически эта группа, отражающая либеральные настроения американской финансовой олигархии, нацелена на обеспечение доминирующей роли США в мире методами «мягкой силы», через укрепление системы поддерживающих Америку коалиций и союзов, отстаивая при этом общее евроатлантическое понимание демократии, не признавая ничьих особых интересов на евразийском пространстве — даже если это грозит осложнениями в отношениях с Россией или Китаем.

Третья группа — это т.н. «прагматики», «крепкие профессионалы», опытные кадровые военные, разведчики и дипломаты, иногда рекрутированные из рядов республиканцев, например, оставшийся от администрации Буша министр обороны Р. Гейтс, кроме того, советник президента по вопросам национальной безопасности Дж. Джонс, председатель Объединенного комитета начальников шта-

бов адмирал М. Муллен, директор Центральной разведки отставной адмирал Д. Блэр, заместитель гос. секретаря по политическим вопросам США У. Бэрнс. Они в принципе настроены на продолжение слегка подправленного в сторону политкорректности внешнеполитического курса последних месяцев администрации Буша (что и проявляется сейчас за неимением более свежих подходов в американской политике в Афганистане или Ираке).

Время покажет, какая из этих в принципе соперничающих группировок возьмет вверх, какие приоритеты во внешней политике США возобладают, как это скажется на развитии российско-американского диалога.

Сегодня уже ясно, что Россия, несмотря на успокаивающую риторику, не является для США ключевой державой или контрагентом (проблемой) номер один.

Главный, системообразующий вектор внешней и внутренней политики США на сегодня — создание условий для завершения максимально безболезненного выхода из глобального финансово-экономического кризиса (во многом спровоцированного безответственными действиями американских же экономических структур), по возможности с закреплением глобального американского лидерства. США и далее в эпоху постмодерна — несмотря на очевидные структурные проблемы, дефициты платежных и торговых балансов и слабость доллара — будут оставаться бесспорным экономическим центром силы.

В случае успешного «ребрендинга» имиджа Америки и репозиционирования ее как главного, хотя и самозваного, мирового защитника свободы и демократии, главного арбитра в конфликтах стран «третьего мира», США будет оставаться и бесспорным глобальным политическим лидером. В области военного измерения силы у США нет на обозримую перспективу конкурентов в мире, особенно в области высокоточных современных обычных вооружений — несмотря на неуклонное наращивание потенциала китайской армии и происходящую модернизацию российских вооруженных сил, включая их ядерный арсенал сдерживания.

Среди собственно внешнеполитических приоритетов США — нормализация ситуации в пресловутой исламской «дуге нестабильности», прежде всего вокруг и в самих Пакистане, Афганистане, Ираке, решение иранской ядерной проблемы, нормализация серьезно подорванных при Клинтоне и Буше отношений с мусульманским миром в целом. В принципе, Россия, на взгляд американских стратегических планировщиков, может стать очень важным *инструментом* в решении этих приоритетных американских задач — но не более того. При этом, несмотря на заверения Обамы, для американского истеблишмента неприемлемо существенное возрастание российской роли на международной арене, а уж тем более какое-то лидерство Москвы в поисках решения актуальных мировых проблем.

В перспективе для США очень важно было бы заручиться союзническими отношениями или хотя бы нейтралитетом России в предстоящей глобальной схватке за лидерство с Китаем. Здесь, как полагают американские эксперты, у России и США многих сходных интересов. Особенно акцентируются при этом неуклонно растущая экономическая и военная мощь Пекина, а также его целенаправлен-

ное проникновение в Евразию, которую китайцы склонны рассматривать как свою историческую территорию. Негласное взаимопонимание по Китаю позволило бы добиваться уступок от США на других важных для нас направлениях. И России, и США экономически и политически выгодно — параллельно с многоплановым сотрудничеством с Китаем — совместно исподволь сдерживать его растущие и тщательно скрывающиеся притязания на роль ведущей глобальной державы. Естественно, что самым логичным курсом для российской элиты было бы, не вставая однозначно ни на одну сторону и не испортив хороших отношений ни с той, ни с другой державой, играть своего рода роль арбитра и «честного брокера» между американским «орлом» и китайским «драконом».

Естественно, для России сегодня поступательно укрепляющееся стратегическое партнерство с КНР, этим будущим мировым центром силы «по всем азимутам», имеет колоссальное геополитическое значение, позволяет выстраивать приемлемые для российской элиты новые мировые политико-экономические конструкции. Но не следует забывать о наших долгосрочных интересах и обманываться иллюзиями, что по всем крупным международным проблемам и как источник дешевой технологии и энергетики мы будем и через 20 лет интересны Пекину, в том числе и в рамках взаимодействия в неформальной группировке БРИК.

Еще одна тема — иранский ядерный узел. «Не поступаясь принципами» своей внешней политики и не подыгрывая однозначно Вашингтону, российская дипломатия — с учетом ее знания ситуации в этой соседней стране и исторических связей с ней — могла бы, как представляется, предложить интересные, нестандартные развязки и на данном направлении. Они бы творчески развивали высказанные ранее российским лидером В. В. Путиным идеи о создании международного центра по освоению ядерного топливного цикла, который при соответствующих международных гарантиях мог бы располагаться и на территории самого Ирана (3).

Реализация стратегического союза России с США потребует от обеих сторон болезненной ломки десятилетиями складывавшихся стереотипов. Например, от привычки еще со времен Российской империи или Советского Союза мерить все свои успехи и неудачи по отношению лишь к одной державе мира — США, на которую — при всех исторически и геополитически обусловленных различиях — мы так похожи (4). Обе страны ради нахождения отвечающих национальным интересам компромиссных прагматических решений должны отказаться от укоренившегося подхода, когда международный союз мыслится как тандем младшего и старшего партнеров или безусловное принятие идеологии и доктринальных установок друг друга.

Прошлогодний визит Обамы в Москву в июле, последующие контакты показали, что с ним не только можно иметь дело, но что мы вполне способны находить взаимопонимание в области общих интересов и устремлений, используя при этом его незашоренность и отсутствие идеологических комплексов, в чем-то даже стремление добиваться тиражируемого в СМИ быстрого успеха в международных делах. Разумеется, Обама начинает не «с чистого листа», над ним дов-

леет тяжкий груз нерешенных проблем и давних обязательств США, уже начатых программ и ранее сделанных обещаний.

Пожалуй, основное поле разногласий между нами и сейчас, и в будущем — восприятие Евразии, прежде всего российской роли в этом ключевом регионе. Главным камнем преткновения станет стремление США не допустить закрепления ведущей роли России на столь важном для нас стратегически и экономически постсоветском пространстве, поддержать проамериканские и прозападные, а, следовательно, объективно — антироссийские элементы в этом ареале. Отсюда то напряженное внимание, с которым из Вашингтона наблюдают за консолидацией при ведущей роли России региональных и субрегиональных союзов по обеспечению коллективной безопасности на постсоветском пространстве, в том числе с участием третьих стран (таких как ОДКБ, ШОС и др.). Между тем ничто кроме стереотипов из прошлого не мешает в будущем интеграции и координации деятельности этих союзов со структурами НАТО, тем более если целью последней действительно является мировая стабильность, урегулирование вооруженных конфликтов и миротворчество, борьба с новыми вызовами — распространением ОМУ, международным терроризмом и организованной преступностью. В конечном счете такое сотрудничество только укрепит механизмы поддержания международного мира при центральной роли ООН. Все это — органическая часть нашего диалога с США.

Сейчас крайне важно не дать выдохнуться импульсу от первых контактов Д.А. Медведева и Барака Обамы. Казалось бы, «модус вивенди» с Россией для этой администрации найден. Уже после первых встреч в рамках восьмерки и подписания совместных заявлений в Лондоне в апреле прошлого года было намечено совершенно новое, по крайней мере по тональности, направление развития двусторонних связей.

Однако время от времени в высказываниях и конкретных шагах администрации проскальзывают до боли знакомые менторские нотки. Неслучайно многие в российском экспертном сообществе предсказывали, что администрация Обамы в силу традиционной идеологии демократов будет все же «зациклена» на нравоучительных проповедях по вопросам соблюдения демократических норм и прав человека, фактически стремясь навязывать партнеру свое видение этих тем. Уже накануне знакового своего приезда в Москву Обама (с подачи своего главного специалиста по России М. Макфола) позволил себе весьма двусмысленные высказывания в адрес крайне популярного российского национального лидера, чуть ли не обвинив его в ретроградстве, непонимании того, что «холодная война» уже позади и принципы построения отношений, принятые в те времена, устарели. Это, по сути, стало еще одной досадной внешнеполитической промашкой. Их число впоследствии, к сожалению, только увеличилось.

Как и в период «холодной войны», главной темой диалога была проблематика разоружения и контроля над вооружениями, сегодня дополненная столь важными вопросами предотвращения распространения оружия массового уничтоже-

ния. К сожалению, только на этом направлении нам, как и в годы холодной войны, удастся поддерживать действительно содержательный диалог.

Мир вздохнул с облегчением, когда после многих лет «разоруженческого абсентеизма» со стороны бушевской администрации (доходившего до полного игнорирования ею важности заключения юридически обязывающих договоренностей о понижении уровня военной угрозы между двумя ведущими ядерными державами) администрация Обамы выразила готовность к серьезной работе на данном направлении.

Важным успехом российского и американского президентов явится заключение нового договора о сокращении стратегических наступательных вооружений. Подписание новой российско-американской договоренности по СНВ, безусловно, станет одним из главных событий нынешнего года. Оно будет способствовать укреплению внутри- и внешнеполитического имиджа как Б. Обамы, так и российского лидера Д. Медведева. Это — реальное продвижение к безъядерному миру, лозунг построения которого Обама пытается у нас перехватить (5). На этом пути, однако, остается много подводных камней.

Речь прежде всего идет об угрозе размещения ударного оружия в космосе и констатируемой российским военно-политическим руководством необходимости увязки сокращений стратегических ядерных сил с ограничениями на развертывание национальных противоракетных систем.

Еще одно осложняющее обстоятельство — дисбаланс обычных вооруженных сил, отставание России в развертывании современных комплексных систем высокоточного, «умного» обычного оружия в рамках реализации концепции «революции в военном деле». В этой связи сегодня российское военно-политическое руководство рассматривает ядерное оружие как главную гарантию обеспечения сдерживания в условиях несомненного преобладания боевых возможностей США в неядерной области. Это красной нитью проходит через новую Военную доктрину России, где постулируется, что НАТО, а значит, и США, представляет для нашей страны главную военную угрозу. (При этом в недавно утвержденной Президентом России Д.А. Медведевым «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» содержится важнейшее положение о стремлении к полному уничтожению ядерного оружия.)

Российские эксперты отмечают, что даже сам переход к ликвидации ядерных стратегических арсеналов через радикальное сокращение невозможен без соблюдения ряда условий. В противном случае процесс может увеличить опасность ядерного конфликта, поскольку резко пониженные уровни ядерных потенциалов (до считанных сот единиц) в условиях существования крупных группировок противоракетных систем как бы приглашают на себя первый разоружающий удар. Россия в принципе не заинтересована в дальнейших скачкообразных, неverified тщательно с общим состоянием стратегической стабильности сокращениях стратегического ядерного потенциала, в особенности осуществляемых в отрыве от учета целого ряда привходящих факторов, геополитической ситуации в мире в целом.

Несмотря на серьезность этих аргументов, в тактическом плане нам вряд ли следует демонстрировать настороженное, скептическое отношение к идее мира без ядерного оружия. Такой подход был бы контрпродуктивным с точки зрения дальнейшего продвижения наших внешнеполитических приоритетов, укрепления имиджа России как великой демократической суверенной и современной державы — одного из мировых лидеров, в том числе и в вопросах нераспространения ОМУ и снижения опасности военной угрозы, играющих столь важную роль в глобальных процессах развития.

Разумеется, переход к безъядерному миру должен быть продуманным, планомерным и поэтапным (6). В любом случае российские стратегические ядерные силы вполне в состоянии на среднесрочную перспективу нанести неприемлемый ущерб в заданных параметрах любому потенциальному агрессору. Снижение боевых возможностей нашего арсенала ядерного сдерживания возможно лишь в отдаленном будущем, в случае его неостановленного обвального сокращения и морального устаревания (что государство все же вряд ли допустит), а также в результате успешного развития современных противоракетных систем, в том числе за счет массивированного развертывания ударных систем оружия в космосе.

Отметим, что в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» также зафиксирована необходимость поддержания паритета с США в области СНВ в условиях развертывания ими глобальной системы ПРО и реализации концепции «глобального удара» с использованием стратегических носителей в ядерном и неядерном оснащении.

Все эти проблемы, объясняющиеся укоренившимися стереотипами времен холодной войны в целом советской или раннепостсоветской по своим установкам российской элиты, мешали скорейшей выработке нового договора о сокращении стратегических вооружений на замену СНВ-1.

Отсюда — объясняющиеся своего рода комплексом неполноценности по поводу быстрого устаревания и вывода из боевого состава российских стратегических сил — планы их развития за счет развертывания модернизированного варианта «Тополя-М» с разделяющейся головной частью — ракеты Р-24, новой тяжелой ракеты на замену РС-20В и нового стратегического комплекса для подводных ракетноносцев, а также нового стратегического бомбардировщика. Все эти системы, естественно, будут успешно испытаны и развернуты в достаточном количестве не только при соответствующих бюджетных возможностях, но и в условиях коренной реформы российского оборонно-промышленного комплекса, создания в нем действительно жизнеспособных, отвечающих мировому уровню развития, финансово независимых корпораций.

Между тем команда Обамы заинтересована в продолжении диалога с нами по разоруженческой проблематике и глобальным проблемам в целом. Об этом свидетельствует и отказ от размещения третьего позиционного района ПРО в Европе (хотя и предлагаемая сейчас схема, основанная на системах «Иджис» и ТХААД, в случае их базирования в определенных районах у наших границ может оказаться для нас столь же опасной), и готовность продолжать содержательный диалог по ПРО.

Видимо, в Вашингтоне не могут не понимать, что по всему их спектру — от совместного противодействия угрозе распространения ОМУ, борьбы с международным терроризмом и агрессивным экстремизмом ядерной программы Ирана или ближневосточной проблематики, ситуации в Афганистане — наше сотрудничество зачастую в прошлом не шло дальше официальных политкорректных деклараций и не давало видимых результатов.

Что же касается стратегической стабильности, то на смену ее пониманию в период «холодной войны», когда она определялась как устойчивость системы взаимных сдержек и противовесов в области центрального ядерного баланса между двумя антагонистическими блоками, не допускавшая стимулов к первому удару, непредсказуемого развития в случае кризисов или безудержного обострения гонки вооружений, приходит ее более комплексное понимание. Сегодня стратегическая стабильность — это, скорее, выстраивание такой системы, которая способна уберечь мир от крупных вооруженных конфликтов, угрожающих интересам всех стран в случае возникновения политического кризиса.

В этой связи контроль над вооружениями, а также и возможные прорывы в деле разоружения мыслятся, скорее, как своего рода «менеджирование» процессами снижения уровней вооружений и, соответственно, военной угрозы. Естественно, что данная цель сохраняет свою важность и сегодня. С учетом этого российской стороне важно не только не растерять накопленный политико-дипломатический капитал в данной сфере, но и заявить о себе как об убежденном стороннике разоружения, нераспространения ОМУ, контроля над вооружениями.

Естественно, что это делает вопросы ограничения стратегических вооружений едва ли не единственным полем реального сотрудничества двух стран. Все остальное — борьба с международным терроризмом, сотрудничество в борьбе с распространением ОМУ, международной оргпреступностью и наркоторговлей, контакты в области науки и технологий — не более чем дань политкорректности и делается «для галочки». В то же время в сознание легковверного российского обывателя вбивается тезис о том, что Америка буквально готовится к завоеванию России, уровень обороноспособности которой неуклонно падает.

Нельзя согласиться с утверждениями определенных российских экспертов, что Америка однозначно нацелена на доведение России до уровня третьеразрядной державы, ее стратегическую изоляцию и разорение, одностороннее разоружение и уничтожение внезапным разоружающим ударом в случае конфликта.

Представляется, что США необходима сильная и уверенно развивающаяся Россия, хотя бы как фактор стабилизации Евразии и недопущения дальнейшего превращения этого пространства в фактор повышения геостратегической мощи «Поднебесной», своего рода геополитический тыл, а также источник дешевых минеральных ресурсов в обмен за политическую поддержку и выгодные кредиты. Нам крайне важно не дать реализоваться концепции «большой двойки» — G-2, когда важнейшие мировые проблемы будут стремиться решать не только без ЕС, но и без России и ее союзников на евразийском пространстве.

В этом плане Россия могла бы, несмотря на свои еще не слишком внушительные внешнеэкономические показатели (доля в мировом ВВП, видимо, упадет из-за кризиса с около 3% до 1—2%) и недостатки структурного реформирования экономики, стать своего рода интеллектуальным резервуаром для поиска оптимальных стратегий глобального развития, предлагая конкретные прагматические пути решения текущих и перспективных проблем в мировых процессах.

К сожалению, установлению действительно партнерских отношений с США препятствуют различия в политическом строе и идеологиях наших двух стран. Понимание основ мироустройства и социального порядка, сущности демократии и государства, принципов регулирования законов экономических процессов, наборы и шкалы ценностей и мотивировок у элит обеих стран диаметрально противоположны.

Российский политический класс, несмотря на то что Америка в принципе является «естественным партнером» в решении крупнейших мировых проблем, испытывает синдром глубокого антиамериканизма. (Это частично объясняется и своего рода «комплексом неполноценности» в связи с неспособностью провести структурные реформы в экономике и обществе, поднять качество жизни большей части населения до уровня развитых стран, а также утратой статуса глобальной «сверхдержавы».) (7).

Российские власти довольно болезненно реагируют на то, что квалифицируется как претензии США закрепить за собой мировое лидерство, попытки выдвинуть РФ из зоны ее традиционных геополитических интересов, а то и заставить поставлять основу экономической мощи — свои минеральные ресурсы — Западу на диктуемых им условиях.

Практически по всем наиболее актуальным проблемам мировой политики — будь то ситуация на «Большом Ближнем Востоке» или в бывшей Югославии (в особенности в Косово), угрозы безопасности в пресловутой «дуге нестабильности» или восприятие Китая, не говоря уже о соревновании за влияние в Евразии — подходы двух держав иногда прямо противоположны.

Между тем Россия и США отнюдь не обречены продолжать нацеливать друг на друга сотни ядерных ракет и в эпоху после холодной войны. Ядерные арсеналы сами по себе не порождают стремления их применять — тем более против дружественной, ответственной, демократической державы. Ядерный потенциал как таковой не требует прямого ему противодействия — ведь не сдерживают же США Францию. Не следует забывать ключевое положение К. Клаузевица о том, что «война есть продолжение политики другими средствами».

Если, конечно, не скатываться на позиции радикального квасного национализма и не запугивать самих себя коварностью «янки», то трудно констатировать наличие существенных политических разногласий или стратегических противоречий между Россией и США. Их нет ни в Европе, ни в Азии, ни на Большом Ближнем Востоке, ни даже на постсоветском пространстве. Да, американские военные и другие советники находились в Грузии при режиме Саакашвили, и эта мощь, может быть, подтолкнула его к агрессии против Южной Осетии. Но сам

этот факт отнюдь не означает, что США будут серьезно осложнять отношения с Москвой из-за нынешнего режима в Тбилиси (этого и не происходит) или, тем более, воевать за него.

Россия и США вполне способны по мере совершенствования демократических процессов и взросления элит созреть для таких отношений, когда наша элита перестанет быть ксенофобно-постсоветской, а американская отрешится от комплексов мессианизма. При этом ядерные арсеналы сторон постепенно сократятся до примерно 500 единиц, не подрывая стратегическую стабильность — как об этом писал академик Д. Сахаров.

Этому сближению и падению значения фактора ядерной мощи не могут помешать ни размеры территорий, ни природные ресурсы России (их все же надо кому-то продавать), ни глубокие исторически обусловленные социо-культурные различия.

Приход у нас на смену агрессивно-послушному закомплексованному классу шариковых «поколения Медведева — поколения свободы», становление нового класса патриотичных, открытых миру и воспитанных на идеалах демократии и гуманитарных ценностях технократов-менеджеров вполне может способствовать решению этой задачи.

Даже те природные ресурсы, к которым, по мнению «государственных» российских экспертов, так стремятся США, Россия все равно будет вынужденно кому-то продавать, чтобы выжить экономически — пока разговоры о прорывной модернизации через инновационные технологии не перестали быть разговорами. Этим покупателем может стать и США, которые выходят из нынешнего экономического кризиса значительно усилившимися и отнюдь не впадают в предсказанную рядом экспертов тенденцию тотального коллапса.

Еще одно важнейшее направление нашего сотрудничества с США — это проблематика инновационных технологий, информатика и ядерная энергетика, освоение космоса и авиационная промышленность, биотехнологии и новые композитные материалы. Здесь, как показывают факты и практический опыт, не Китай и даже не Европа, а только Америка остается уникальным источником технологий, научных внедрений, производственного опыта и управленческих решений, столь необходимых сейчас России для решительного реального прорыва к современной высокотехнологичной «экономике знаний».

Соединенные Штаты, со своей стороны, нуждаются в адекватном партнере, разделяющим общие принципы, ценности и правила, соблюдаемые всеми современными сильными и развитыми демократическими рыночными державами, с которым они, к тому же, исторически привыкли иметь дело.

Подводя итоги этого беглого анализа российско-американских отношений на современном этапе, можно сделать некоторые предварительные обобщения.

Главное для России в нашем диалоге с США — зафиксировать наш статус великой державы, ключевую роль в решении мировых проблем. При этом следует всеми силами добиваться — разумеется, не переходя на терминологию «сфер влияния» или «права вето» за пределами СБ ООН — предотвращения нашего стратегического «окружения» и выдавливания с постсоветского пространства, попыток втянуть нас в какие-то великодержавные коалиции или противопоставить какому-либо государству или группе государств.

Немаловажен и тот факт, что Россия является ключевым партнером США по всем пяти внешнеполитическим проблемам администрации Обамы, будь то Пакистан, Иран, Ближний Восток, Афганистан или Ирак. Без России и ее заинтересованного участия бесперспективна борьба с распространением ядерного и ракетного оружия (в том числе решение проблем ядерно-ракетных программ КНДР и Ирана), нейтрализация угрозы международного терроризма. Здесь налицо явная взаимозависимость и взаимосвязь, ибо и для Москвы важно урегулирование этих проблем.

К тому же, как представляется, нельзя оставлять надежд на развитие продуктивного диалога с США по вопросам дальнейших сокращений стратегических ядерных сил в увязке с ограничениями на системы противоракетной обороны. Россия готова при этом сотрудничать в разработке систем региональной ПРО, прежде всего для Европы, а в будущем и совместной глобальной системы.

Хотелось бы надеяться, что продуктивный диалог с администрацией США получится. Хотя трудно сказать, удастся ли Б. Обаме оправдать во многом завышенные надежды россиян и американцев, да и всех жителей планеты. Уже сейчас очевидно, что молодому президенту США не хватает опыта и политической хватки, он не в силах соизмерять предвыборную риторику с грузом внутри- и внешнеполитических проблем с длинной родословной, он словно прогибается под грузом ответственности и не всегда может приводить реальные свершения в подтверждение своей адекватности как лидера свободного мира.

Однако, поскольку меняющаяся внешняя среда требует инновационных, нестандартных инструментов для реализации внешней политики России в целях повышения конкурентоспособности страны на глобальных площадках, мы должны быть готовы к серьезному разговору с США, например, в рамках специально созданных рабочих групп, с тем чтобы адекватно отвечать на вызовы мирового развития, оптимальным способом вписываться в систему мировых политических и хозяйственных связей, сообща искать пути решения глобальных проблем человечества в многополярном мире, вместе реализовывать стратегии выхода из нынешнего экономического кризиса.

И, разумеется, Россия должна рассчитывать на развитие и углубление сотрудничества с американскими партнерами по таким традиционным направлениям, как космос и ракетная техника, авиация, ядерная энергетика, геофизика, а также на наиболее эффективных направлениях инноваций в разных областях (нанотехнологии, генная инженерия и биотехнологии, альтернативные источники энергии, новые химические материалы, новые компьютерные и информационные технологии, «революция в военном деле», социально-сетевые технологии, в том числе в политике, и т.д.).

Наша страна буквально обречена всем ходом истории и политического развития быть важнейшим партнером США, а в чем-то и их уникальным собеседником, который является тем единственным «игроком», кто может подсказать американскому истеблишменту правильный политический выбор в той или иной сложной ситуации или высветить ту или иную мировую проблему во всей ее диалектической сложности и фактологической глубине.

Наши отношения не будут безоблачными и дальше. Но главное — сохранить честный, непродвятый подход, освободить наш диалог от демагогической риторики, замшелых стереотипов и желания добиться успеха за счет интересов другой стороны. Нам не следует ждать (как бы этого кому-то в российской элите ни хотелось) ни политических, ни экономических подарков или «благодарности» за тот или иной наш шаг от Америки. Россия на сегодняшний день вполне способна при правильно выбранной стратегии и системе принятия внешнеполитических решений сама надежно обеспечивать свои интересы в мире, отстаивать свою конкурентоспособность. Но очевидно, что делать это будет значительно проще и эффективнее при нахождении взаимопонимания и обеспечении взаимовыгодного сотрудничества с США.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Videоблог Д.А. Медведева: <http://blog.kremlin.ru/post/23/transcript>
- (2) «Коммерсантъ». — № 135 (4190). — 28.07.2009; Excerpts: Biden on Eastern Europe: <http://online.wsj.com/article/SB124846217750479721.html>
- (3) Путин делает заявление о мирном использовании ядерной энергии. 27 января 2006 г.: <http://newsfromrussia.com/politics/2006/01/27/71934.html>. О возможном создании такого консорциума для Ирана: *Ferguson Ch.D., Mizin V.* Russia can help resolve Iran crisis. — Op. Ed. — May 22, 2006. The Baltimore Sun: http://www.cfr.org/publication/10729/russia_can_help_resolve_iran_crisis.html; *Mizin V., Finlay Brian.* Pride or Prejudice: The Interplay of Domestic and Foreign Policy in Russia on the Iranian Nuclear Program, The Stimson Center Cooperative Nonproliferation Program: <http://www.stimson.org/?SN=CT200611161136>. О похожей идее, но без участия России, см.: *Forden G., Thomson J.* Iran as a Pioneer Case for Multilateral Nuclear Arrangements. — MIT. — September 5. — 2006: <http://web.mit.edu/stgs/pdfs/Iran%20as%20a%20pioneer%20case%20for%20multilateral%20nuclear%20agreement%20v2.pdf>
- (4) *Иноземцев В.* «Постамериканский мир». — «МЭиМО». — Март 2008 г.
- (5) Текст выступления Б. Обамы см. в: http://www.huffingtonpost.com/2009/04/05/obama-prague-speech-on-nu_n_183219.html
- (6) The Long Road from Prague. Remarks by U.S. Assistant Secretary Rose Gottemoeller. — August 14, 2009. Assistant Secretary, Bureau of Verification, Compliance, and Implementation Woodlands Conference Center Colonial Williamsburg, VA, August 14, 2009, <http://www.state.gov/t/vci/rls/127958.htm>
- (7) Глава МИД РФ объяснял разногласия между двумя странами, в частности, сохранением в политике США идеологического подхода и неприятием Вашингтоном нарождающейся в международных делах многополярности. (*Лавров С.* Сдерживание России: назад в будущее? — Россия в глобальной политике. — 15-08-2007: <http://www.globalaffairs.ru/articles/8043.html>

THE PROSPECTS FOR DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN-US STRATEGIC DIALOGUE

V.I. Mizin

Institute of the International Investigations
Moscow State University of International Relations
Vernadsky Ave., 76, Moscow, Russia, 119454

The article describes the key issues of the Russian-US relations after the advent of B. Obama's administration and the start-up of the «reset» policy. It analyzes the prospects for the further moves in the area of arms control and the reduction of military treats. The author outlines the promising avenues for the multifaceted cooperation of these two countries.

Key words: foreign policy, international security, Dmitry Medvedev, B. Obama, START talks, strategic dialogue, strategic stability, the USA, nuclear disarmament.